

Обширный каталог доминирует по объему над вступлением и является, безусловно, самой существенной частью публикации. Аннотации в каталоге строятся по следующим разделам: инвентарный номер, размер, материал, техника, происхождение вещи, описание вещи, узора или сюжета изображения, состояние ткани, подробнейший перечень имеющихся в других коллекциях аналогий рассматриваемому образцу (автор использует материал 24 музеев и коллекций), датировка ткани.

В результате проведенного Д. Реннер исследования вюрцбургская коллекция оказалась теснейшим образом связанной с другими, уже известными собраниями. С другой стороны, рецензируемая работа расширяет возможности определения некоторых, еще не изученных собраний коптских тканей. Издание каталога в том виде, как его сделала Д. Реннер, представляет интерес не только для коптологов, но и для специалистов более широкого диапазона.

При определении тканей Д. Реннер не ограничивается только исследованием памятников ткацкого ремесла. Она учитывает также и памятники других видов искусства, справедливо полагая, что в создании коптских тканей нашли отражение многие стороны единого процесса эволюции современного им искусства.

Р. Шуринова

Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII века. Л., 1975, 351 с.

Рецензируемая книга является продолжением лексикографических исследований Л. С. Ковтун — первая работа под названием «Русская лексикография эпохи средневековья», посвященная лексикографии XI—XVI вв., вышла в свет в 1963 г. Обе книги составляют как бы корпус по истории древнерусской лексикографии.

Тема избрана не случайно. Лексикография представляет собой один из самых ранних этапов в развитии филологических штудий и имеет тесную связь с образованностью. Поэтому исследование Л. С. Ковтун важно для истории русского образования и русской культуры в целом.

Выполнить работу по истории русской лексикографии невозможно без привлечения греческого языка и без византиноведческих знаний, без ориентировки в *instrumenta studiorum* византиноведения. Византийская филология была самым плодотворным разделом византийской науки. Восприняв традиции и методику филологов эллинистического времени, выработанные ими на основе критики античных текстов, византийские филологи расширили круг исследуемых текстов и подвергли филологической обработке произведения раннехристианской письменности. В течение тысячелетнего существования Византийской империи образованные византийцы тщательно сохраняли, собирали и переписывали памятники античной литературы. В 272 г. указом императора Валента в императорскую библиотеку было назначено семь писцов для переписки текстов из ветхих папирусных свитков в новые пергаменные кодексы; вторично такая же работа в широком плане была предпринята в IX в. и продолжалась вплоть до XII в. Сосредоточенная при главном книгохранилище империи, работа по транслитерации текстов проводилась при участии и под руководством видных ученых; в VII в. — грамматика Георгия Хировоска, в IX в. — патриарха Фотия, в конце IX—начале X в. — архиепископа кесарийского Арефы, в XII в. — Евстафия Солунского и т. д. Наивысшего развития византийская филология достигла в XIII—начале XIV в., когда работал Димитрий Триклиний.

Однако византийская филология не была ограничена только критикой текстов. Изучение произведений античной и раннехристианской литературы, разъяснение неясных или испорченных слов и выражений способствовали развитию грамматических и лексикографических штудий. Словарей было много, разнообразного состава и назначения: ономастиконы, толковые словари греческого языка, энциклопедические словари.

После падения империи византийская филология не прекратила своего существования. Большое число образованных греков уже в XIV в. перебралось в Италию; многие греки оставались на территории бывшей империи, где продол-

жали свои занятия; наконец, многие греки перешли в южнославянские земли и на Русь.

В то время как роль греческих филологов в истории итальянского и вообще западноевропейского гуманизма давно является объектом изучения, деятельность их в развитии русской образованности почти не выяснена. В свое время И. В. Ягичем был собран обширный материал, необходимый для исследований по данному вопросу; существуют и некоторые другие работы, посвященные отдельным памятникам или аспектам этой темы. Однако впервые исследование этой темы по разделу лексикографии осуществлено в вышедшей в 1963 г. книге Л. С. Ковтун. В рецензируемой работе тема продолжена на материале XVI и XVII вв.

Внимание автора обращено прежде всего на деятельность Максима Грека, на его роль в создании Азбуковника, на его значение для истории русской культуры и русского просвещения. Максим Грек был высокообразованным филологом, он учился у своих соотечественников, переселившихся в Италию. На Афоне, откуда Максим приехал в Москву, среди греческих монахов всегда были образованные люди, при которых существовали как бы небольшие школы, группы учеников. Роль Афона как культурного центра для народов, оказавшихся под турецким владычеством, известна, однако, пока еще лишь в общих чертах. Поэтому представляется весьма важным сам замысел Л. С. Ковтуна — определить значение Максима Грека как представителя греческой учености в развитии русской культуры, русской лексикографии, русской науки о языке и значении Азбуковника в том же плане.

В предисловии автор не говорит об одной важной стороне своего исследования, именно — о выявлении совершенно новой страницы в судьбе византийской филологии: о существовании древних русских и славянских переводов с греческого языка известно, на эту тему имеется обширная литература, но о роли греческой филологии для развития филологических штудий в Московском государстве XVI в. до сих пор не было известно ничего; эта проблема впервые поставлена в книге Л. С. Ковтуна, впервые в этой книге рассмотрена. Тем самым автор открывает пути и для дальнейших исследований в указанном направлении.

Автор полемизирует с Л. П. Якубинским относительно задержки в развитии русского литературного языка, вызванной «отсутствием в XV—XVI веках переводов церковных книг на русский язык обиходного типа». Полагаю, что возражения Л. С. Ковтуна против приведенного положения Л. П. Якубинского можно подкрепить и другими, еще не обследованными (с точки зрения истории языка) фактами: 1) к XV—XVI вв. уже существовал пантеон русских святых, жития которых были не переводными, а оригинальными произведениями. В этих житиях нередко встречается обиходный язык; 2) существовали церковные книги обиходного содержания (я имею в виду в первую очередь требники), в которых встречались не только переводные, но и русские молитвы. В требниках особенно интересны апокрифические молитвы и заговоры, ведущие свое происхождение из глубокой древности, от давно позабытых народных верований, и представляющие собой совершенно не исследованные (с точки зрения истории языка) памятники русского фольклора¹.

Важный раздел книги составляет сопоставление и разъяснение христианских имен у Максима Грека. Л. С. Ковтун подметила тенденцию Максима толковать языческие имена также на христианский лад; в этих случаях Максим определяет корни слов подчас искусственно, стараясь скрыть языческую основу имени (см., например, его рассуждения об имени «Океан»).

В книге содержится непочатый край ценнейших, впервые выявленных сведений о русском языке XVI—XVII вв., его истории, истории развития литературного языка, русской образованности, а также данные о значении взглядов Максима Грека для истории теории познания. Особенно много таких сведений содержится в гл. III.

¹ См.: Алмазов А. И. Врачевальные молитвы (к материалам и исследованиям по истории русского требника). Одесса, 1900.

В связи с рассмотрением этих вопросов автор должен был обратиться к переводам толковой псалтири, которая, как известно, была в средние века одним из важнейших учебных пособий, а экзегетика была основным методом обучения. Говоря об условиях возникновения Азбуковника как особой рукописной книги, автор подчеркивает значение экзегезы в славянской письменности, а в дальнейшем процесс «все более заметной эмансипации словарного дела от задач экзегезы, богословского истолкования текста» (с. 220). Таким же был ход развития словарного дела в Византии.

Как известно, Максим Грек во время работы над переводом церковных книг диктовал текст приставленным к нему для этой цели толмачам Димитрию Герасимову и Власию. В Византии существовала такая же практика диктования текста — она применялась как метод обучения и в творческом процессе²; так, агиограф X в. Симеон Метафраст диктовал свои сочинения писцам, специально к нему для этой цели приставленным.

Рецензируемая книга представляет собой выдающееся исследование, проведенное на высоком профессиональном уровне, богатое содержанием. Она принадлежит к числу книг, открывающих новые темы и намечающих новые пути в исследовании древнерусской культуры; она важна для специалистов разных профилей — лингвистов, литературоведов, историков — как славистов, так и византинистов.

Е. Э. Гранстрем

² *Richard M. 'Απὸ φωνῆς. — Byz., 20, 1950, p. 191—222.*